

КАФЕДРА ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ им. ТОМАСА МАННА
РГГУ, МОСКВА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ТОМ 9

НАТАЛИЯ БАКШИ

Преодоление Границ

Литература и теология
в послевоенный период
в Германии, Австрии
и Швейцарии
(1945–1955)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

ББК 83.3(0)5
Б 19

Бакши Н.

Б 19 Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии (1945—1955). — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-9551-0649-6

В первое десятилетие после Второй мировой войны в немецкоязычных странах были предприняты попытки выйти из кризиса за счет обращения к религии и возвращения европейской истории к ее христианским корням, что вызвало большой резонанс в обществе. Однако к концу 1950-х гг. христиански ориентированная литература практически прекратила свое существование, уступив место сугубо социальной проблематике. В книге представлено как само направление христианской литературы, так и механизмы его вытеснения.

Книга рассчитана на всех, интересующихся вопросами немецкой литературы и богословия.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0649-6

© Н. Бакши, 2013

© Языки славянской культуры, 2013

ДИРКУ И АНДРЕЮ

Автор выражает особую благодарность Немецкому литературному архиву г. Марбаха (DLA Marbach) и лично Марселю Лепперу за финансовую поддержку проекта.

А также благодарит австрийский архив «Бреннера» в лице Анетты Штайнзик и Урсулы Шнайдер, профессора Инсбрукского университета Вольфганга Висмюллера, профессора Бернского университета Петера Рустерхольца за вдохновение проекта, а также деятельное участие и помощь в его реализации.

Особую признательность и благодарность автор выражает своему мужу Дирку Кемперу и сыну Андрею, без ежедневной помощи и поддержки которых исследование было бы невозможно.

– ОГЛАВЛЕНИЕ –

<i>Введение</i>	11
Глава I. Взаимовлияние религиозного и литературного дискурсов в средствах массовой информации	54
I.1. Религиозные журналы	54
I.1.1. Германия	54
I.1.2. Австрия	78
I.1.3. Швейцария	97
I.2. Религиозные антологии	116
I.2.1. Германия	117
I.2.2. Австрия	140
I.2.3. Швейцария	152
Глава II. Тематические взаимовлияния литературного и теологического дискурса	169
II.1. История / эсхатология (<i>Цезарь фон Аркс, Фридрих Дюрренматт, Райнхольд Шнайдер, Паула фон Прерадович, Кристина Буста, Штефан Андрес</i>)	169
II.2. Образ человека / антропология (<i>Гертруд фон ле Форт, Вернер Бергенгрюн, Альбрехт Гез, Генрих Белль, Элизабет Ланггессер, Кристина Буста, Ханс Урс фон Бальтазар, Карл Барт, Манфред Хаусман</i>)	210
II.3. Отношение к вине / сотериология (<i>Фридрих Дюрренматт, Элизабет Ланггессер, Ильза Айхингер, Вольфдитрих Шнурре, Вольфганг Борхерт, Кристина Лавант</i>)	263
II.4. Отношение к языку, призвание поэта / гомилетика и провозвестие (<i>Гертруд фон ле Форт, Элизабет Ланггессер, Генрих Белль, Райнхольд Шнайдер, Вернер Бергенгрюн, Штефан Андрес, Игнац Цангерле, Ханс Урс фон Бальтазар</i>)	313
<i>Заключение</i>	351
<i>Библиография</i>	367
<i>Именной указатель</i>	393

– ВВЕДЕНИЕ –

Поэзия была вначале не чем иным,
как скрытой теологией,
и сообщала о вещах Божественных.

Мартин Опиз

Данное исследование возникло в результате размышлений над особой ситуацией, сложившейся в немецкоязычной литературе в первое десятилетие после Второй мировой войны и ее особой открытости религиозным вопросам. В центре исследования находится вопрос о взаимодействии литературы и теологии (религии) в данный исторический промежуток.

В рамках методологической концепции «компаративистики немецкоязычного пространства» будет рассмотрено взаимодействие литературы и религии в сравнительном аспекте в трех немецкоязычных литературах: в западных оккупационных зонах Германии, в Австрии и Швейцарии.

Взаимодействие теологии и литературы в европейской истории литературы всегда было довольно проблематично. В ранней истории христианства необходимо было в первую очередь отделить священный текст Откровения от профанных текстов литературы и тем самым провести различие между авторитетом слова Божия как истины и словами поэтов как фикции (*дифференциация дискурсов*). После утверждения христианства государственной религией Римской Империи теология, как известно, достигла во времена поздней античности и средневековья статуса абсолютного ведущего дискурса для всех свободных наук (*septem artes liberales*) и получила таким образом *дискурсную монополию*, которой литература должна была подчиняться в той же степени, что и философия в качестве “*ancilla theologiae*”. Новое время характеризует эмансипация наук и литературы от теологии (*дискурсная эмансипация*), которая связана с процессом секуляризации.

Несмотря на эту упрощенную схему: дифференциации дискурсов, дискурсной монополии и дискурсной эмансипации, — в Но-

вое время то и дело можно обнаружить отклонения от этой схемы, хронологически и территориально ограниченные, приводящие к взаимопроникновению религиозного и литературного дискурсов. Опустошения и разруха, сопутствующие большим войнам, приводили к глубокому чувству неуверенности, которое наиболее способствовало сближению литературы и теологии.

Это относится к Тридцатилетней войне 1618—1648 гг., на которую Мартин Опиц отреагировал «Книгой о немецкой поэзии». Произведенное им сближение литературы и теологии он определил формулой, что поэзия по своей сущности является «скрытой теологией»¹.

Подобное сближение и объединение дискурсов вызвала и Вторая мировая война. Через триста лет в той же ситуации послевоенной разрухи к литературе как «скрытой теологии» обращаются не только писатели традиционного толка, такие как Элизабет Ланггессер (Elisabeth Langgässer, 1899—1950), Райнхольд Шнайдер (Reinhold Schneider, 1903—1958), Гертруд фон ле Форт (Gertrud von le Fort, 1876—1971), но и представители авангарда, такие как Пауль Целан (Paul Celan, 1920—1970), Ильза Айхингер (Ilse Aichinger, 1921), Вольфганг Борхерт (Wolfgang Borchert, 1921—1947). В секуляризованной западно-европейской культуре, в светском государстве между 1945 и 1949 гг., в особой исторической ситуации пережитого опыта мировой войны произошло очередное взаимопроникновение литературы и теологии, которое четко прослеживается на формальном, содержательном и медиальном уровнях. Его последствия, а также новое вытеснение и дифференциацию дискурсов можно наблюдать вплоть до середины 1950-х гг., что объясняет исследуемый временной отрезок с 1945 по 1955 гг.

Этот сегмент немецкоязычной истории литературы представляет собой неисследованную лакуну, поскольку вытеснение и последующее исчезновение взаимопроникновения литературы и теологии произошло как раз на уровне его научного описания, то есть на уровне литературоведения, истории литературы и канонобразования и т. д. Не только авторы, но и литературоведы и литературные критики, определяющие первое послевоенное десятилетие, полностью исчезают из хрестоматий и истории литературы, оставив странный, до сих пор едва ли заполненный вакуум.

Если исследовательский интерес работы связан с реконструкцией и анализом вытесненного сегмента истории литературы немецкоязычного пространства, то разработка его может быть

поддержана методологической концепцией «компаративистики немецкоязычного пространства» (об этом более подробно далее). Наша рабочая гипотеза исходит из того, что европейский опыт катастрофы Второй мировой войны привел к временному сближению и взаимопроникновению литературы и теологии. Однако этот процесс можно намного четче и ясней описать при помощи сравнительного анализа этого явления в трех больших областях немецкоязычного пространства. Каждая из этих областей — Германия (затем западные оккупационные зоны и затем ФРГ), Австрия и Швейцария — были совершенно по-разному политически вовлечены в события Второй мировой войны и совершенно по-разному в 1945 г. оказались перед задачей политического, ментального, а тем самым и литературного преодоления прошлого, хотя опыт войны был у них общим.

Исходное положение компаративистики, исходящее из различных национальных языков исследуемых литератур, здесь будет связано с культурными различиями трех немецкоязычных литератур, связанными с предысториями Второй мировой войны, различной включенностью в европейский фашизм и события войны и различными конечными ситуациями в 1945 г.

Несмотря на междисциплинарное направление работы, объект и тема исследования остаются в области литературоведения и истории литературы. Исследованы будут изменения литературной системы, временные изменения того, что этой системе приписывалось, изменения связанных с этим дискурсных правил, внутрилитературные следствия этого временного открытия дискурса или взаимопроникновения дискурсов. Вслед за Бурдые можно говорить о том, что исследованы будут временные изменения структуры литературного поля. Таким образом, объект исследования — часть немецкоязычной истории литературы.

Работа преследует несколько целей. Так, одной из главных целей является попытка претворить в жизнь особый потенциал международной германистики и в первую очередь русской германистики. На уровне выработки истории литературы немецкая германистика определяет свою область изучения как «немецкоязычную литературу», единство которой подчеркивается использованием определения «литература» в единственном числе. Реакцией на это является концентрация австрийского и швейцарского литературоведения на описании собственных литератур. Однако в результате общей слабости разработки историй литератур до недавнего вре-

мени на книжном рынке невозможно было найти ни одной истории австрийской литературы. Среди швейцарских историй литературы в настоящий момент в свободном доступе находится труд под редакцией Петера Рустерхольца и Андреа Зольбе².

Дифференцированное описание истории литератур различных культурных областей является прерогативой международной германистики. Русская германистика внесла большой вклад в истории австрийской и швейцарской литератур. Сюда относятся «История австрийской литературы XX века»³, «История швейцарской литературы»⁴.

Данная работа находится в традиции международной и русской германистики, занимающейся сравнительным исследованием немецкоязычных литератур различных культурных регионов.

Являясь вариантом германистики из чужой культурной перспективы (в отличие от «своей» культурной перспективы Австрии, Германии и Швейцарии⁵), русская германистика определяет свой приоритет в культурном взгляде извне. В своем категориальном аппарате и терминологических описательных системах она освобождена от сложных национальных и межнациональных импликаций трех так называемых внутренних германистик Германии, Австрии и Швейцарии, поскольку развивает данные категории и терминологии в имплицитном сравнении с русской культурной традицией. И в этом преимущество чужого взгляда русской германистики. Русская германистская традиция написания истории литератур может себе позволить, исходя из своей логики, иначе структурировать область и перспективу исследования немецкоязычных литератур, нежели это делается в трех немецких германистках. Отсюда возникают иные вопросы и иные горизонты понимания, приводящие к новым результатам, обогащающим немецкую германистику⁶.

Среди русских исследований, связанных с данной проблематикой, настоящая работа четко и программно отграничивает себя от русского направления «религиозного литературоведения» в смысле описания литературы в масштабах и категориях русского православия⁷. Общей целью работы является развитие и утверждение иного способа научного подхода к взаимоотношению литературы и религии. Если исследования литературы в масштабах русского православия связаны прежде всего с программным отказом от западноевропейских, международных научных понятий и превращением

литературоведения в самоутверждающий дискурс православия, то данная работа преследует цель проследить взаимоотношения литературы и религии строго в границах германистского и общего литературоведения. Литературоведение должно быть не преобразено, но интердисциплинарно расширено.

Целью исследования является также реставрация вытесненно-го сегмента немецкоязычной истории литературы благодаря критическому привлечению истории науки. Глубокое взаимопроникновение литературы и теологии в промежутке с 1945 по 1949 гг. было возможно в западных оккупационных зонах Германии прежде всего благодаря тому, что в литературной системе отсутствовали политические рамки, которые бы могли приписать извне цели и функции взаимоотношению с литературой. Это в первую очередь очевидно во французской и американской зонах, в которых было наиболее сильно желание навязать немецкой послевоенной литературе подобные функции, однако успех этих попыток был весьма умеренным. Ситуация полностью изменилась после создания двух немецких государств в 1949 г. Личное (в том числе и религиозное) исповедание уступило место новой главной теме — теме взаимоотношений индивидуума и общества. В связи с развитием социальной парадигмы в литературоведении 1960-х гг. и окончательно во время движений 1968 г. религиозная тематика в истории литературы была не просто отброшена как неважная, но все более ощущалась как контрапродуктивная. А прогрессирующая секуляризация западно-германского общества в 1970-х гг. более не допускала возвращения интереса к религиозным темам послевоенного времени. Целью работы является исследование этого процесса вытеснения.

Далее необходимо прояснить взаимосвязь между доминирующим (религиозным) содержанием литературных текстов и феноменом временного взаимопроникновения литературы и религии. Наша гипотеза состоит в том, что если преодоление последствий войны происходило с помощью религиозных идей и библейских сюжетов, то литература являлась в рамках глубоко секуляризованного общества наиболее подходящим медиумом, нежели чистая академическая теология. Литературный дискурс с его художественными возможностями обладал мощной силой притяжения для теологии и был более привлекателен, нежели жесткие рамки теологических трактатов, что будет продемонстрировано в исследовании.

Также необходимо прояснить, почему именно литература оказалась наиболее приспособленной вместить тематики с широкой

религиозной, философской, социологической, теоретико-правовой и проч. направленностью. Взгляд из чужой перспективы русской германистики позволяет здесь сравнение с так называемым литературоцентризмом русской культуры прежде всего в XIX веке. Вследствие петровских реформ с XVIII века в Россию устремился поток западно-европейских вопросов и проблем, которые в Западной Европе исследовались в различных науках, таких как философия, юриспруденция, социология и т. д., которые, однако, в России еще не успели выделиться и институционализироваться в качестве таковых, и весь груз проблем, к которым они обращались, перешел к литературе. Некоторую аналогию этому процессу представляет ситуация после Второй мировой войны прежде всего в Западной Германии. Хотя такие науки, как теология, философия и юриспруденция, были достаточно укоренены в обществе, они оказались глубоко обременены национал-социалистическим прошлым. Новое начало — программным для него было обозначение «час ноль» — было намного легче и быстрее осуществимо в литературе, так что в первые послевоенные годы в немецкоязычном пространстве сформировался некий литературоцентризм, прежде всего в западных оккупационных зонах. Этим объясняется важное значение, уделяемое литературной политике в американской стратегии перевоспитания.

В рамках взаимопроникновения литературы и теологии в первые годы после Второй мировой войны интенсивно обсуждался вопрос, каким должен стать язык для осуществления нового подхода к миру в литературе, так как язык поэзии казался глубоко дезавуированным злоупотреблениями фашизма. Тем самым литература и теология в исследуемый период перенимают фундаментальную дискуссию эстетического модерна в Европе⁸, которая то и дело оживает с конца XVIII века, а после Второй мировой войны при особых обстоятельствах послевоенных лет снова переживает подъем.

«Критика чистого разума» Канта ограничила познавательные возможности человека, которыми философия больше не могла злоупотреблять. Кант, как известно, учил, что в процессе познания вещь в себе, то есть независимый от познания мир как он есть на самом деле, не может быть осмыслен. Сам процесс познания создает объект познания в его конкретном преломлении. По Канту, мир изначально не имеет понятной нам структуры пространства, времени и причинно-следственных связей, но приобретает все это в процессе познания. Таким образом, задачей философии является не понимание мира как он есть на самом деле, а исследование того, как возни-

кает конструкция мира в процессе познания. Мир же как таковой — и в этом, по философу Блюменбергу, состоит главное оскорбление для человека — никогда не будет ему доступен. В этом заключается *кризис познания эпохи модерна*.

В процессе исследования Кант имплицитно развивает критику языка, показывая как в «трансцендентальной логике» разум порождает априорные понятия. «Их первые зачатки находятся в человеческом разуме [...], в котором они пребывают уже готовыми до тех пор, пока не разовьются благодаря возможности опыта»⁹. В качестве квинтэссенции этой аргументации можно сказать, что понятия, в том числе интерпретирующие наш чувственный опыт, определяются структурой разума, а не миром как он есть на самом деле. Понятие так же мало определяет мир (в смысле семантического реализма или, с русской стороны, теологического имяславия), как и наше познание его отображает. Здесь истоки *языкового кризиса модерна*.

Ницше («Об истине и лжи во вненравственном смысле», «Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinne»), Гофмансталь («Письмо лорда Чэндоса лорду Бэкону», «Brief des Lord Chandos an Francis Bacon») и проч. неоднократно формулировали и радикализировали этот языковой кризис эпохи модерна. До сих пор он представляет собой одну из основных задач и сложностей для поэтики.

В исследуемый период эта проблема встает с новой силой. Такие авторы, как Целан, Адорно, задавались вопросом, возможен ли после Гитлера какой-либо язык поэзии. В первые послевоенные годы Борхерт, Айхингер, Ланггессер, Цангерле и др., размышляли над этим вопросом. Это определяет цель исследования в области поэтики.

В работе выделяются основные темы, наиболее обсуждаемые в исследуемый период, на примере которых, с одной стороны, наиболее наглядно прослеживается взаимодействие литературного и религиозного дискурса, с другой, — очевидны особенности историко-литературного развития каждой из перечисленных стран.

С реконструкцией вытесненного сегмента истории литературы связана задача пересмотра канона. Крупные представители послевоенной литературной сцены, критики и литературоведы, как, например, Ханс Эгон Хольтхузен, сегодня совершенно забыты и не входят в канон. Это касается как лирики Хольтхузена, так и его литературно-критических трудов. Тем самым оказывается вытеснен тот факт, что со своим требованием современной христианской литературы